

Нейтрализовывать, уравнивать и сеять разногласия...: Далмацио Негро и его книга «Введение в историю форм государства»¹

NEGRO D. (2010). HISTORIA DE LAS FORMAS DEL ESTADO: UNA INTRODUCCIÓN. MADRID: EL BUEY MUDO.
421 P. ISBN 978-84-937789-1-0

Александр Марей

Кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии факультета философии НИУ ВШЭ
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: amarey@hse.ru

«Граждане пассажиры, не принимайте на хранение чужие вещи, недоверчиво относитесь к помощи со стороны людей, не являющихся работниками метрополитена или сотрудниками полиции...»

Из аудиоинструкции в московском метрополитене (25.08.14)

«Сегодня государство является командиром и администратором беспорядка. С одной стороны, оно запросило себе вместе с *correctio* тел *directio* душ; с другой же, отказываясь от *ius necis*, оно монополизирует *ius vitae*². Это невыносимая антиполитическая ситуация» (р. 421). Этими словами начинается последняя страница монографии «Введение в историю форм государства» современного мадридского философа и политолога Далмацио Негро Павона. На протяжении последних двух десятилетий он кропотливо исследует проблемы генезиса современного государства, его пути от позднесредневекового *Stato* к современному «государству-минотавру»³, взаимоотношений государства с личностью, обществом, церковью. Итоги исследований подводятся в монографии, ставшей основой для данной рецензии.

Д. Негро считается одним из наиболее ярких современных представителей консервативного направления испанской политико-философской мысли. На сегодня

© Марей А. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. Рецензия написана в рамках проекта Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модусы взаимодействия и трансформаций».

2. *Correctio* — исправление, *directio* — управление, *ius necis* — право смерти (смертной казни), *ius vitae* — право жизни (*лат.*). — *Прим. ред.*

3. Этот образ был впервые использован Б. де Жувенелем в его знаменитой монографии о власти. См.: Жувенель Б. де. (2011). Власть: естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН. С. 25–40; автор рецензируемой работы использует это словосочетание скорее как технический термин, в отличие от Жувенеля, для которого это метафора.

няшний день им написано более двухсот статей и десяти монографий, наиболее известными среди которых считаются «Либерализм и социализм: интеллектуальный перекресток Дж. Стюарта Милля» (1976)⁴, «Огюст Конт: позитивизм и революция» (1985)⁵, «Либеральная традиция и государство» (1995)⁶, «Правительство и государство» (2002)⁷, «Чем Европа обязана христианству?» (2006)⁸, «Миф о новом человеке» (2008)⁹ и недавно опубликованная книга «Введение в историю форм государства» (2010).

Рассматриваемая книга состоит из четырех частей, первая из которых — «Политический порядок и государство» (р. 17–121) — имеет теоретический характер и посвящена определению основных понятий, используемых Д. Негро и их соотношениям между собой. Здесь приводится авторская трактовка таких понятий как «политическое», «политический» и «предполитический» порядки, «государство» и родственные ему термины¹⁰, «правительство» (*Gobierno*) и его формы, а также их соотношений между собой¹¹. Части со второй по четвертую посвящены основным историческим этапам развития государства, от так называемых «государственных монархий» (*Monarquías estatales*) до современных государств, которые Негро определяет как «тоталитарные». При этом наибольший объем, сопоставимый только с первой частью книги, имеет третья, в которой автор на протяжении девяти глав рассматривает становление современного государства *stricto sensu*, в эпоху от Великой Французской революции до Первой мировой войны («Эпоха современного государства», р. 177–297).

Негро начинает свою книгу с утверждения, что «государство не есть политическое, но лишь одна из его форм» (р. 11) и с рассуждения о взаимоотношении политического и сакрального. Если изначально, в архаический период эти две сущности были едины, то затем, начиная с формирования греческого полиса, политическое постепенно отделялось и обособлялось от сакрального, оформляясь в самостоятельную сферу. Окончательно это размежевание произошло в Средние века, когда

4. *Negro D.* (1976). *Liberalismo y socialismo: la encrucijada intelectual de Stuart Mill*. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales.

5. *Negro D.* (1985). *Comte: positivismo y revolución*. Madrid, Editorial Cincel.

6. *Negro D.* (1995). *La tradición liberal y el estado*. Madrid: Unión Editorial.

7. *Negro D.* (2002). *Gobierno y Estado*. Madrid: Marcial Pons, Ediciones Jurídicas y Sociales.

8. *Negro D.* (2006). *Lo que Europa debe al cristianismo*. Madrid: Unión Editorial.

9. *Negro D.* (2008). *El mito del hombre nuevo*. Madrid: Ediciones Encuentro.

10. Такие как «государственность» (*estatalidad*), «государственная система» (*estatismo*) и т. д.

11. Здесь необходимо небольшое замечание терминологического характера. Далмацио Негро использует достаточно большой спектр политической и политико-философской терминологии, перевод которой на русский язык зачастую представляет некоторые проблемы. С целью избежать недопонимания и возникновения какой-либо двусмысленности оговорюсь, что в рамках данной рецензии словом «государство» передается испанское *Estado*, «правительство» передает термин *Gobierno*, пара «мощь и социально признаваемое знание» соответствует латинским *potestas* и *auctoritas*, поскольку для понятия «власть» Негро зарезервировал испанское *poder*. По поводу последних трех понятий следует оговориться особо. По словам самого Негро: «Власть претендует на то, чтобы быть больше, нежели просто *potestas*, поскольку, являясь независимой от любой *auctoritas*, она сама оправдывает себя своими успехами» (р. 72, сноски 51).

область сакрального заняла Церковь, претендовавшая на управление душами, область же профанного осталась за политическим, воплощенным в Правительстве, которое претендовало на *correctio* тел (р. 11–12). Правительство обладало мощью (*potestas*) и занималось делами земного управления, но всякое его действие требовало легитимации со стороны Церкви, которой принадлежало социально признаваемое знание — *auctoritas*. Таким образом оформилось это разделение светского и сакрального, которое имело ключевое значение для всей политической культуры средневековой Европы (ср. знаменитый тезис Папы Геласия I о разделении *potestas* и *auctoritas* и его развитие в буллах последующих понтификов) и которое просуществовало, согласно Негро, до эпохи Возрождения или, как максимум, до XVI века. Появившееся в эту эпоху раннее государство уже претендовало на всю полноту власти (*plenitudo potestatis*), объединяя в себе и *potestas*, и *auctoritas* и, тем самым, легитимируя себя своей же властью (р. 12, 83–85).

Уже на уровне этого вводного тезиса отмечается тщательно подчеркиваемый Негро антагонизм, между государством, с одной стороны, правительством и Церковью, с другой. Правительство возникает естественным путем, и цель его заключается в гарантировании «целостности социального порядка, установленного определенным образом существования правовой мысли, т. е., в гарантировании права своим *imperium*» (р. 19). Государство же изначально создается правительством как инструмент, служащий для обеспечения безопасности народа, *нейтрализации* конфликтов между его частями. Таким образом, правительство естественно, государство — искусственно; правительство возглавляет и направляет *res publica*, государство, в итоге, разрушает ее; правительство придает форму народу и культивирует его, государство, защищая людей друг от друга, убивает народ.

В предгосударственную эпоху, которая для Европы длилась, как минимум, с греческих полисов и до конца Средних веков, были выработаны две основных модели социального порядка: греческий полис и римская *civitas*. Негро разводит эти две формы социально-политической организации между собой, представляя их двумя противоположностями: если в греческом полисе, по его словам, первичен был полис по отношению к своим гражданам, то в римской *civitas* все обстояло ровно наоборот, именно граждане (*cives*) создавали *civitas*. Второе различие между этими двумя формами в том, что полис представляет собой модель городского общества, тогда как *civitas* — сельского. Цитируя самого автора, можно сказать, что если «полис обладал гражданами (*politai*), т. е., свободными людьми с правом участия в управлении общим имуществом», то «...римский город или *civitas*, напротив, принадлежал своим гражданам, свободным людям с правом гражданства, собственникам публичного имущества...» (р. 53–54). Соответственно, выражение воли этих римских *cives* и создавало правительство с целью наилучшего администрирования общего блага, общего достояния, то есть, *Res publica*. Таким образом, заключает Негро, все формы политических порядков, свойственные европейской культуре, оказываются республиканскими. В данном случае не следует понимать

термины «республика» и «монархия» как обозначение форм правления; монархия, согласно Негро, вполне может быть республиканской в своей основе.

Несколько отвлекаясь в сторону от разбора книги, замечу, что антитеза, между греческим полисом и римской *civitas* представляется несколько надуманной. Речь, на самом деле, идет об известном расхождении в понимании полиса у Платона, с одной стороны, и Аристотеля, с другой. Концепция Платона была, как известно, адаптирована Цицероном, переведившим «Государство» на латынь, и изложена в его знаменитых диалогах «О государстве» и «О законах». Таким образом, то понимание римской *civitas*, на которое ссылается Негро, оказывается, в основе своей, еще одной концепцией греческого полиса. Основное различие между этими концепциями (помимо тезиса о частной собственности, на который обычно ссылаются историки политико-правовой мысли) заключалось в понимании природы полиса. Если для Платона — а, следом за ним, и для Цицерона! — полис представлял собой плод своеобразного договора, соглашения граждан между собой, заключенного с целью наилучшего взаимудовлетворения различных потребностей, то для Аристотеля полис был органической формой существования людей, высшей ступенью их общения и, как следствие, естественной целью их бытия. Однако, как у Платона, так и у Аристотеля в основе концепции полиса лежало понятие гражданской взаимной любви и дружбы, без которой никакое объединение не было бы возможно.

Возвращаясь к концепции Негро, можно отметить, что он объявляет Европу наследницей римской, республиканской традиции, в то время, как государство, в той его форме, в которой оно возникает в Европе, является для него наследником греческой традиции полиса. Стоит сразу же отметить одно небольшое противоречие, бросающееся в глаза, а именно то, что одним из опорных столпов государства в концепции Негро является контрактуализм, противопоставляемый им средневековому *пактизму* (р. 77 и далее)¹², в то время, как аристотелевская концепция полиса, к которой он постоянно возводит модерное государство, как раз не имеет договорной природы.

Возвращаясь к проблеме возникновения государства, повторю, что по мнению Д. Негро оно создается европейскими правительствами (например, Франция периода конца Столетней войны и итальянские города XV века) с целью «восстановления и сохранения социального порядка и удовлетворения острой нужды в политической безопасности» (р. 77). Будучи однажды созданным и, следовательно, имея изначально искусственный характер, государство достаточно быстро превращается из инструмента в самостоятельного актора, в своеобразный механизм, обладающий своим собственным *ratio status* и приписывающий себе законодательную инициативу, прежде принадлежавшую народу. За достаточно короткий срок государство становится все более и более обезличенным, руководясь лишь соб-

12. По поводу концепции контрактуализма см. также публичную лекцию Д. Негро на тему «Враг — государство», прочитанную им 11.01.2014 в Институте Хуана де Марианы: <http://www.youtube.com/watch?v=sEFi6U4wUDc>

ственным «разумом» (*ratio status*), который сначала служил для выражения интересов правящих династий, затем, позже, воплотил в себе волю народа и интересы нации и, в итоге, освободившись и от династий, и от нации, стал отражать лишь само государство (р. 80). При этом интересы, а, точнее и правильнее сказать, функции государства сводились (и сводятся сейчас) к трем глаголам, вынесенным мной в заглавие этой рецензии: *нейтрализовывать, уравнивать и сеять разногласия*. Прежде всего государство стремится к нейтрализации любого рода конфликтов, а, следовательно, и любых объединений, могущих стать источником таковых. Второй функцией и целью государства является уравнивание граждан, причем не только в правах и обязанностях, но и в интересах и запросах, материальных и духовных. Наконец, гася конфликты, возникающие естественным образом и являющиеся, по сути, конфликтами интересов различных гражданских групп и объединений, государство, по утверждению Негро, сеет рознь между гражданами, нейтрализуя и устраняя тем самым основу основ гражданского общества — те самые гражданские *дружбу и любовь*, о которых писал Аристотель.

Переходя к разбору основных структурных элементов государства, Д. Негро отмечает, что любая форма политического имеет в своей основе четыре элемента, которые суть народ, власть, территория и право (р. 102 и далее). Однако под влиянием современного европейского государства все они меняют свою суть. Прежде всего народ превращается государством в *массу (masa)* или в *множественность (multitud)* отдельных людей, разобщенных, не доверяющих друг другу, живущих в атмосфере постоянной нестабильности и подозрений. Единственным авторитетом для каждого из этих людей остается только государство, которое представляется им гарантом стабильности и спокойствия. Согласно этой логике, в каждой конкретной ситуации гораздо спокойнее и надежнее обратиться к чиновнику или к полицейскому, а не к своему соседу, потому что первым мы безусловно доверяем, тогда как последнему вовсе нет. В этой ситуации естественным противником государства становится любая форма проявления социальной солидарности, любое общественное объединение, любая корпорация. Поэтому Негро называет оксюмороном словосочетание «корпоративное государство», утверждая, что «государство по определению несовместимо с любыми, более-менее автономными или самоуправляющимися корпорациями, поскольку они всегда могут стать очагами сопротивления государству» (р. 344).

Мощь (*potestad*), которой обладает народ и, как следствие, правительство, трансформируется в условиях государства во власть (*poder*), в «рационализированную силу, направленную на достижение государственных целей посредством издания законов». Территория превращается в замкнутое пространство с четко очерченными границами. Наконец, право, одушевляющее жизнь каждого народа (можно вспомнить знаменитое определение народа, данное Цицероном), под влиянием государства и при его непосредственном участии мутирует в *государственное право*, т. е., в законодательство, при том, что монополия на издание законов резервируется все за тем же государством. Значение данной перемены прежде всего

в том, что законы, издаваемые государством, перестают проверяться на соответствие некоему «естественному праву» — единственным критерием их истинности и правильности становится их эффективность, способность максимально четко достигать целей, означенных *ratio status*.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что государство оказывается противоположным публичному и стремится вытеснить его из социального пространства, заменяя государственным. Отметим, что, если и когда ему это удается, оно немедленно разворачивает наступление уже на сферу частного, *нейтрализуя* последний институт, остающийся от догосударственной эпохи, — семью, — и вторгаясь посредством законодательства не только в социальную, но и в сексуальную жизнь человека. Представляется естественным, однако, — и об этом Далмацио Негро как раз не пишет, — что ни одно из действий государства не остается без ответа. Люди, реагируя на его деятельность, ищут новые или возрождают старые формы солидарного действия; любая слабость государства, любой сбой в его машине немедленно влекут за собой мощный всплеск социальной солидарности, попытки людей самоорганизоваться с целью восстановления нарушенной безопасности. Фактически каждый сбой государственного становится причиной очередной реабилитации (или реанимации?) публичного, на место слабеющего государства постоянно стремится вернуться *res publica*, политическое пространство публичного солидарного действия, направленного на достижение общего блага. Противостояние государства и народа имеет, таким образом, диалектический характер.

Разобравшись, таким образом, с понятием государства и основными обстоятельствами его возникновения и развития, Далмацио Негро переходит непосредственно к периодизации истории его форм. Не форм правления, что он отдельно подчеркивает еще в прологе, не форм политических режимов, но именно — форм государства. Прежде всего, он отмечает существование в современном мире безгосударственных обществ, причем, в отличие от Гегеля, он, скорее ставит это в заслугу, нежели в упрек этим культурам (р. 158–175). В число негосударственных форм политического у Негро попадают, как ни странно, испанская монархия, Швейцарская конфедерация кантонов, Великобритания и США. Эти, в терминологии автора, политические порядки отличаются, прежде всего, сохранившимся в них приоритетом народа, существующей *res publica* и превалирующей ролью правительства над элементами государственности (*estatalidad*). Однако характерно, что все эти общества, избежавшие построения современного государства, во многом находятся сейчас в гораздо худшем состоянии, нежели нации, построившие государство и поглощенные им. Негро не делает относительно этого обобщающих выводов, но представляется, что можно, опираясь, с одной стороны, на его утверждение о том, что своим возвышением в мире Европа обязана именно своему государству (р. 31 и далее), с другой, на сделанный выше вывод о диалектическом характере противостояния государства и народа, предположить, что построение национального го-

сударства — каким бы плохим и злым оно бы ни было — в историческом плане все же несет больше блага для строящей его нации, нежели зла.

Первая форма исторического существования государства, согласно Негро — «государственная монархия» (р. 123–157), внутри которой, в свою очередь, насчитываются четыре ступени развития, которые он называет «государство власти» (*Estado del Poder*), «суверенное государство» (*Estado Soberano*), «абсолютное государство» (*Estado Absoluto*) и «деспотическое государство» (*Estado Despótico*). Это еще не государство модерна, а предгосударственные образования, монархии, беременные будущими государствами. Хронологически этот этап тянется до Великой Французской революции 1789–1794 гг. Он характеризуется прежде всего *нейтрализацией* политической свободы, искоренением старой родовой знати, уничтожением или, по меньшей мере, дискредитацией цеховой структуры производства, уравниванием всего населения монархии в статусе *подданных*. Именно на этой стадии развития государства закладываются два важнейших мифа, лежащих в его основе — это мифы о естественном состоянии и об общественном договоре. Миф о естественном состоянии становится возможен, в свою очередь, благодаря Реформации, оттеснившей вселенскую Церковь от власти и во многом заменившей ее *национальными* церквями, в перспективе поглощаемыми государствами.

На смену «государственным монархиям» приходит собственно модерное государство (р. 177–297), основной характеристикой которого становится его эмансипация от династических элит прошлого. Модерное государство, построенное прежде всего в ходе Великой Французской революции и далее благодаря усилиям Наполеона, отождествляет себя с нацией, это «государство-нация» (*Estado-Nación*). Отождествление государства и нации имеет в глазах автора принципиальное значение, поскольку благодаря ему происходит еще одна очень важная подмена — *право*, данное человеку от Бога, подменяется так называемыми *естественными правами*, закрепляемыми в конституции, т. е. в законодательном акте государства. На этом этапе развития религия окончательно вытесняется из публичной жизни общества, заменяясь идеологией, которую Д. Негро вслед за К. Марксом называет *ложным сознанием*. К концу же этого периода государство все больше и больше приобретает черты «земного Бога» — овеществленного высшего авторитета в вопросах политической безопасности и духовного комфорта граждан.

Итак, основные формы модерного государства, по Негро, таковы. Прежде всего, это «государство-нация» (первыми конкретными формами которого становятся государство Наполеона I и сменившее его «романтическое государство» Людовика XVIII и Карла X Бурбонов). На смену ему приходят последовательно: правовое государство (*Estado de Derecho*), государство представительного правления (*El Gobierno Representativo*), либеральное бюргерское правовое государство (*Estado Liberal Burgués de Derecho*) и, далее, социальное государство (*Estado Social*), построенное в Германии эпохи Бисмарка и просуществовавшее до конца второго десятилетия XIX века.

Первая мировая война смела устаревшее социальное государство и привела ему на смену государство тоталитарное (р. 299–405). По сути это единственная форма государства, выделяемая Далмацио Негро в XX веке. Несмотря на то, что он достаточно подробно описывает не только советское и нацистское государства, но и государство корпоративное, а также социально-демократическое государство и государство всеобщего благосостояния, все же, на протяжении этих ста с лишним страниц он неоднократно отмечает, что все эти формы суть лишь виды государства тоталитарного (р. 301 и далее). В этом плане принципиально интересным представляется деление автором тоталитарных государств на «отцовские» и «материнские», первые из которых «обязывают и принуждают», вторые же «обманывают и соблазняют» (р. 311). В число первых как раз входят режимы, традиционно объявляемые тоталитарными, т.е. советский и нацистский, в число вторых — социал-демократическое государство и его дитя — государство всеобщего благосостояния. «Отцовские» государства прибегают к методам прямого давления на своих граждан, добиваясь тотального контроля над ними, над их мыслями и чувствами путем репрессий и террора, «материнские» же предпочитают мягко души своих граждан в объятиях кредитов, «фискального терроризма», нумерованных персональных идентификационных карт, единой полицейской системы и т.д.

В эту эпоху государство уже не ограничивается тем, что, *уравняв* всех граждан, *нейтрализует* пространство их духовной жизни, подменяя религию идеологией и национальное сознание чувством принадлежности к государству. Оно покушается уже на личный духовный мир каждого, оставляя пока что в неприкосновенности семью и вопросы жизни и смерти человека. Ему на смену приходит последняя, по мнению Негро, форма государства — пресловутое «государство-минотавр», отказывающееся от монополии на смерть подданных (или граждан), но, взамен, монополизирующее все пространство их жизни, ломая, как это уже было сказано выше, последний рубеж человеческой социальности — семью. Это государство претендует на дискредитацию всех базовых ценностей европейского человека, заложенных изначально римской культурой и, следом, христианством, *нейтрализуя* самое рождение и смерть (здесь Негро очевидно отсылает читателей к дискуссиям о клонировании и эвтаназии). Политика государства перестает быть антропологической, но становится уже биологической, доходя до последних мыслимых пределов. Государство, — цитируя ту же фразу, с которой я начал рецензию, — «становится командиром и администратором беспорядка», а человек оказывается окончательно поработан государством, потеряв, в обмен на ложные «конституционные права и свободы», свою истинную политическую свободу (р. 421).

Концепция, сформулированная Далмацио Негро без сомнения заслуживает гораздо более подробного разбора, чем был проведен здесь и что вообще возможно в рамках рецензии. Многие вещи, подмеченные мадридским профессором, справедливы, хотя в чем-то он, как представляется, смотрит на жизнь слишком пессимистично. Да, современное государство оставило позади облик Левиафана,

оказавшись, на деле, Минотавром. Но ведь, как мы помним из мифов, на каждого минотавра, рано или поздно, находится свой Тезей...

Neutralize, Equalize and Disseminate Discord...: Dalmacio Negro and His Book "Introduction to the History of the Forms of State"

Alexander Marey

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: amarey@hse.ru

Review: *Historia de las formas del Estado: una introducción* by Dalmacio Negro (Madrid: El Buey mudo, 2010).